

СТАТИСТИКА И ИНСТИТУТЫ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И.И. ЕЛИСЕЕВОЙ И А.Л. ДМИТРИЕВА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ»)

Ханин Григорий Исаакович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
khanin@yandex.ru*

Аннотация

Книга И.И. Елисейевой и А.Л. Дмитриева «Очерки по истории государственной статистики России» расценивается как важный шаг в изучении истории российской государственной статистики. Выделяются три этапа истории: дореволюционный, советский и постсоветский. При всей их специфике обнаруживаются и общие черты. Уровень статистики оценивается рецензентом как индикатор цивилизационного уровня страны. Наиболее тщательно авторами исследуется дореволюционный период. После весьма тусклого периода первой половины XIX века, с начала 60-х гг., в условиях рождающегося капитализма и растущей демократизации начинается период относительно успешного развития. Тем не менее уровень развитых стран достигнут не был, государственная статистическая служба оставалась слабой. Советская власть осуществила мечту российских статистиков о создании мощной государственной статистической службы. Ценные статистические работы выполнялись уже в годы Гражданской войны и нэпа. Но успешное развитие советской статистики было прервано в конце 20-х гг. с усилением политического давления. По ряду направлений исследования были прекращены, по другим фальсифицированы. Многие статистики были репрессированы. С переходом к командной экономике статистика в значительной степени была заменена учетом и надолго лишена административной самостоятельности.

Рецензент полемизирует с авторами, не соглашаясь с ними в оценке результатов статистических исследований периода нэпа и после него, оценивая их более критически. Он отмечает бесплодность статистической реформы 1948 г., критикует слабое использование авторами архивов советского и постсоветского периода. Рецензент поддерживает положительную оценку многих преобразований постсоветского периода, вернувшего ста-

статистике ее изначальное содержание, и вместе с тем отмечает явную недо-
стоверность многих статистических данных этого периода. Материальное
и кадровое положение современной российской статистики далеко от не-
обходимого, а она сама всё еще далека от уровня в развитых странах.

Ключевые слова: история России, история российской статистики,
дореволюционная российская статистика, советская статистика, постсовет-
ская статистика, достоверность статистики.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. Статистика и институты (рецензия на книгу И.И. Елисеевой и
А.Л. Дмитриева «Очерки по истории государственной статистики России») // *Идеи и идеалы*. – 2018. – № 1, т. 2. – С. 3–28. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-3-28.

Введение

Статистика в современной России является предметом и глубоких по-
дозрений («все статистики врут»), и глубочайшего непонимания. В каче-
стве курьеза: когда в конце 90-х гг. меня представляли ученому совету од-
ного из крупнейших вузов Новосибирска как нового сотрудника, ректор,
доктор физико-математических наук, охарактеризовал меня как «известно-
го статиста». Легко найти конкретных виновных в обоих явлениях. Но пло-
дотворнее, мне кажется, попытаться найти ответ в истории отечественной
статистики. Этому поможет рецензируемая книга.

В отличие от ранее издававшихся в России, СССР и РФ работ по исто-
рии статистики, авторы рассматривают историю статистики во все перио-
ды российской истории [3]. Это не только удобно, но и очень поучитель-
но: при всех различиях отдельных этапов история представляется как еди-
ный процесс. Появляется возможность выявить общие характеристики не
только истории статистики, но и сквозь призму статистики – истории са-
мой России, поскольку статистика является важнейшим индикатором зре-
лости, цивилизованности общества и государства.

Потребность в объективной количественной оценке состояния страны,
которую и дает статистика, возникает только у развитых в экономическом,
политическом и культурном отношении государств и обществ. Совершен-
но закономерно, что хозяйственный учет, как первичная форма статисти-
ки, возник первоначально в самых передовых для своего времени государ-
ствах – в Древней Греции, Древнем Риме, Двуречье, Иудее, Древнем Китае
[6, с. 7–11]. В XVII веке статистическая наука появилась в передовых стра-
нах Европы, прежде всего в Англии [Там же, с. 19–24].

Не будет преувеличением сказать, что какова страна, такова у нее и
статистика, и наоборот: какова статистика, такова и страна. С этой точ-
ки зрения я и проанализирую книгу. Она содержательно естественно де-

лится на три части: досоветская, советская и постсоветская статистика. В таком порядке я их и рассмотрю. Оговорюсь: буду рассматривать только государственную статистику. В книге рассматривается и ведомственная статистика, и статистика, проводимая общественными организациями. Это обогащает, конечно, историю статистики, но выходит за рамки настоящей статьи.

Дореволюционная статистика

Я приступаю к этой главе с известной робостью, так как проблемами дореволюционной экономики и общества, тем более дореволюционной статистики, занимался от случая к случаю. Мне придется в фактической части довериться авторам, интерпретируя приводимые ими факты с учетом мировой истории статистики и собственного разума.

Хотя первые шаги практической статистики в России были сделаны в XVIII веке [Там же, с. 57–61], авторы начинают историю дореволюционной государственной статистики с образования в России в 1802 г. министерств, которым было вменено в обязанность регулярно отчитываться о деятельности подведомственной им сферы [3, с. 11]. Здесь они справедливо отмечают, что это событие может рассматриваться лишь в качестве важной предпосылки возникновения государственной статистики, так как сама эта деятельность еще не отделилась от других структур государственного управления, да и не могла реализоваться в полной мере ввиду отсутствия статической культуры, потребности в статистических данных, отсутствия готовых к использованию методик, а также специально обученных людей, способных проводить статистическую работу. Во всем перечисленном и выражалась политическая, культурная и экономическая отсталость России от передовых западных стран. Дальнейшая история государственной статистики России – это и есть история изживания этих слабостей.

Первый статистический блин вышел комом. Как отмечают авторы, министерская и губернская статистика до 1811 г. была очень недостоверной [Там же, с. 15–17]. Важнейшей причиной было отсутствие руководящего статистического ведомства. Им в 1811 г. стало Статистическое отделение Министерства полиции (с 1819 г. МВД), которое стало первым статистическим органом. Но и он был, мягко говоря, скромным: отделение размещалось в одной комнате (!) в здании Министерства полиции. У него было только одно достоинство: его возглавлял в течение 23 лет крупный, хотя и не оригинальный, статистик К.Ф. Герман. Уроженец Данцига, он получил образование в знаменитом уже тогда Геттингенском университете, а в 1796 г. переехал в Россию, где с 1806 г. в возрасте 39 лет был избран профессором экономики и статистики Петербургского педагогического института, а затем Петербургского университета. Оценила роль статистики и

Российская академия наук, избрав его сначала экстраординарным членом, а в 1835 г. ординарным академиком. Он выпустил несколько учебников по статистике и даже в 1806–1808 гг. издавал статистический журнал (прекративший существование, подозреваю, из-за отсутствия спроса). В первом российском учебнике статистики Герман мудро писал, что «статистик есть публичный провозвестник и доброго, и худого и контролер правительства» [3, с. 20].

С таким выдающимся начальником государственная статистика должна была, казалось, расцвести. Но далеко не все от него зависело. О возможностях Германа говорит тот факт, что в его подчинении по части непосредственно статистики было лишь 4 (!) человека [Там же, с. 21]. Не горело желанием российское правительство и информировать своих подданных, а тем более за границу о положении в стране. В середине 50-х гг. XIX века прекратилась публикация статистических сборников [Там же, с. 78]. Неоднократно вносились предложения ликвидировать Статистическое отделение, и оно лишь по случайности уцелело, находясь до 1834 г. в «бесправном положении» [Там же, с. 26]. И с этим Герман ничего не мог сделать. Статистика определенно властям мешала. Им не нужны были «контролеры правительства».

Тем не менее жизнь всё-таки требовала развития статистики в России, и в 1834 г. Статистическое отделение МВД было реорганизовано и созданы статистические органы в губерниях. В 1852 г. сложившаяся система была модифицирована. Авторы, используя многочисленные архивные данные, рассказывают об этих преобразованиях и их результатах. Они оказались крайне скромными, если не сказать ничтожными – авторитарная власть враждебна статистике.

В то время как плачевное состояние дореформенной статистики не вызывает сомнения ни у кого из исследователей этого вопроса, в отношении пореформенной статистики вообще и государственной в частности существуют серьезные разногласия. Этот вопрос стал предметом широкой дискуссии в апрельском номере журнала *Slavic Review* за 2017 год. Возмутителем спокойствия стал серьезный исследователь дореволюционной российской экономики, французский экономист Станциани (Stanziani). Его статья [17] вызвала оживленную дискуссию. Станциани призывает оспорить ряд оценок дореволюционной российской экономики, поскольку они некритически опираются на данные дореволюционной статистики. Преимущественно он оспаривает данные земской статистики (традиционно считавшейся лучшей), упрекая земских статистиков в политической ангажированности и недостаточной статистической грамотности, но косвенно оспаривает и другие оценки. Не берусь судить, насколько он прав, но вопрос заслуживает внимания.

Рассказывая о послереформенной государственной статистике, авторы отмечают несомненный прогресс по сравнению с дореформенным периодом. Намного расширился круг изучаемых вопросов. Статистика стала открытой: публикация разного рода статистических справочников стала нормой. Усилилась координирующая роль Центрального статистического комитета (ЦСК) по отношению к губернской и ведомственной статистике. Российская статистика стала частью мировой: практические и научные работники начали принимать участие в работе международных статистических организаций. Росла достоверность статистики. Усилились демократические начала в деятельности статистических организаций в центре и на местах (в этом и нынешней России не грех поучиться); сравнение состава Статистического совета МВД Российской империи с Научно-методологическим советом Росстата говорит в пользу первого: в нем преобладали внешние участники – практические работники ведомств и авторитетные научные работники. Выросло количество статистиков, увеличились ассигнования на содержание статистической службы в центре и на местах.

Но по сравнению с состоянием статистики развитых стран отставание всё еще окажется огромным. Так, статистика населения очень долго ограничивалась крайне несовершенными и малоинформативными ревизиями, в то время как в мире население всё больше изучалось с помощью гораздо более достоверных и информативных одномоментных переписей. Но они требовали и больших расходов на их проведение, и большей статистической культуры и культуры населения. Неудивительно, что наблюдался значительный параллелизм в проведении переписей и успехов в экономическом и культурном развитии. Приведу хронологию первых переписей населения: 1790 г. – США, 1800 г. – Швеция, 1801 г. – Великобритания, Дания, Норвегия, Франция, 1818 г. – Австрия, 1837 г. – Швейцария, 1841 г. – Португалия, 1846 г. – Бельгия, 1851 г. – Канада, 1857 г. – Испания, 1861 г. – Италия, 1872 г. – Япония [6, с.41]. В России первая перепись была проведена только в 1897 г. Отставание огромное.

Менее известно состояние статистики физического капитала. Как и следовало ожидать, первыми такие расчеты провели английские экономисты еще в конце XVII века. К 1914 г. эти расчеты были проведены в 14 странах мира, России среди них не оказалось. Вывод очевиден: Россия отставала очень сильно.

В последнем периоде существования царской статистики помимо переписи населения ЦСК провел еще несколько переписей, которые, несмотря на серьезные недостатки, существенно улучшили понимание российской экономики. Речь идет о проведенных в 1900 и 1908 гг. переписях промышленности и о сельскохозяйственной переписи 1916 г. [3, с. 124–130]. Но эти переписи были проведены с огромным опозданием по сравнению с пере-

довыми странами мира. Проведение второй переписи населения было намечено лишь на 1915 г., т. е. спустя 17 лет после первой вместо обычного для развитых стран интервала в 10 лет.

Остановлюсь на причинах этого отставания. Прежде всего царизм по-прежнему недооценивал значение статистики. Численность статистического ведомства оставалась ничтожной: даже в 1917 г. штат ЦСК составлял лишь 23 человека, а за вычетом канцелярских работников и вычислителей – 17 человек [3, с. 139–140]. Ничтожны были и ассигнования на содержание статистической службы: в начале 1890-х гг. они были почти в 5 раз меньше, чем в Германии [Там же, с. 78], при том что ВВП Германии в ценах 1960 г. составляла 26,4 млрд долларов против 21,3 млрд в России [16, р. 171]. Статистическая служба находилась в подчинении МВД, в то время как во многих развитых странах она в это время была самостоятельна или подчинялась непосредственно правительству [6, с. 40–43]. Лишь в 1908 г. П. Столыпин, ссылаясь на огромные дефекты российской статистики, предложил подчинить статистическую службу непосредственно Совету Министров, создав Главное статистическое управление. Соответствующий законопроект 1 декабря 1910 г. был одобрен Государственной Думой, но отклонен Государственным Советом [3, с. 91]. Пришлось дожидаться Октябрьской революции.

Крайне слабым было состояние низового звена статистики в уездах. Ее вели «по большей части низшие чины полиции и волостные старшины и писари» [Там же, с. 93]. А где было набрать профессионалов? В России долгое время не было не только высшего, но и среднего статистического образования. Лишь в 1904 г. были созданы статистические курсы МВД. По срокам обучения они были на уровне техникума, но круг изучаемых предметов и состав преподавателей были довольно сильными [Там же, с. 95–98].

Низкому уровню российской статистики соответствовала ее крайне низкая востребованность, о чем красноречиво говорят приводимые в книге данные о тиражах статистических публикаций и их реализации. «В 1894 году ЦСК вынужден был распродать на вес 15 612 экземпляров изданий комитета за период 1860–1880 годов (около 500 пудов, по цене 50 копеек за пуд). С 1884 года тиражи изданий были существенно сокращены: в конце 1890 годов вместо 1–1,5 тысяч экземпляров печаталось не более 400–600» [Там же, с. 105]. И это для страны с населением около 150 млн человек, имевшей десятки больших библиотек и вузов.

Первая мировая война наряду со многими военными и экономическими недоработками и провалами выявила и неспособность государственной статистики обеспечивать информацией нужды обороны страны [9, с. 30, 31]. Это подтолкнуло обсуждение давно назревшего вопроса о повышении статуса и значимости государственной статистической службы.

К этому в апреле 1916 г. склонился уже и Государственный Совет, а ЦСК в августе 1916 г. направил в Статистический Совет обширный план по созданию Главного управления статистики при Совете Министров с почти трехкратным увеличением штатов центральных и местных органов статистики [3, с. 135–137]. Но решение об этом так и не приняло ни царское, ни Временное правительство.

Советская статистика

1. Возникновение и деятельность в период военного коммунизма

Большевики, в отличие от аристократов, правивших Россией до революции, очень уважали экономику и умели пользоваться статистикой. Для планового управления экономикой качественная статистика жизненно необходима: без нее нельзя составить план и контролировать его выполнение. Исходя из этого можно было ожидать, что теперь статистика расцветет. Но всё оказалось гораздо сложнее и печальнее.

Советское правительство задумало коренную реорганизацию статистических органов и их функций в соответствии с задачами советского государства. Первые изменения в статистике явились побочным результатом политических изменений: ликвидация земств привела к ликвидации обширного сектора земской статистики. Возникшие на их месте органы советской власти имели другие задачи и приоритеты, поэтому часть функций земской статистики должно было принять государство. Советское государство осуществило многолетнюю мечту российских статистиков о формировании единой мощной и авторитетной статистической службы. При этом оно опиралось на инициативу самих статистиков. Наверное, статистика была в период укрепления большевистской диктатуры единственным участком государственного строительства, где сохранялись демократические процедуры. Руководство статистической службы выбиралось на съездах статистиков (они регулярно проводились до 1926 г.), без осязаемого влияния государственной власти. Законодательная власть сохранялась за Статистическим советом.

Первым главой ЦСУ РСФСР подавляющим числом голосов был избран многолетний ответственный работник земской статистической службы Петр Иванович Попов. Что еще удивительнее: в момент избрания он был беспартийным и оставался им до конца 1924 г. Беспартийными были и все члены коллегии ЦСУ – наиболее авторитетные в России в тот период земские статистики. По своим политическим взглядам это были преимущественно эсеры и меньшевики; были и кадеты (например, глава Статистического совета известный статистик Н.А. Каблуков). В 1924 г. в Центральном аппарате ЦСУ СССР на 684 сотрудника (в десятки раз больше, чем в ЦСК) приходилось лишь три члена партии, и то на рядовых техни-

ческих должностях [1, с. 28]. Оценивая характер созданного ЦСУ, исследователи истории советской статистики Ален Блюм и Мартина Меспуле пишут: «Статистики организовали его в соответствии с моделью статистических европейских служб конца XIX века» [Там же, с. 32].

Авторы книги, положительно оценивая процесс формирования ЦСУ, не дают объяснения такому необычному для советской власти либерализму. Думаю, что помимо большого уважения власти к статистике большую роль сыграло то, что у большевиков просто не было своих статистиков. Приходилось терпеть чужих, но эта идиллия не могла продолжаться бесконечно.

Авторы высоко оценивают деятельность ЦСУ в период военного коммунизма и Гражданской войны. Речь идет о проведенных ЦСУ в этот период промышленно-профессиональной переписи 1918 г., переписи населения 1920 г., сельскохозяйственной и промышленной переписях 1920 г. [3, с. 152–156]. Проводились и выборочные исследования: 10 %-е исследование крестьянских хозяйств при одновременном сплошном учете всех совхозов и колхозов. В том же 1920 г. по 26 губерниям были получены данные о числе крестьянских хозяйств, числе жителей, поголовье лошадей и крупного рогатого скота, размере посевных площадей. В 1918–1919 гг. организовано обследование питания городского и сельского населения и ряд других работ [Там же, с. 154, 155]. При оценке этой деятельности необходимо иметь в виду огромные трудности ее проведения в условиях Гражданской войны и острейшей нехватки всех ресурсов у ЦСУ. С этой точки зрения их следует признать крупнейшими достижениями новой статистической службы и ее руководства. Ни на что подобное ЦСК России был не способен.

Вместе с тем общее состояние статистики в этот период было (не по вине ЦСУ) крайне неудовлетворительным. Напрасно, мне кажется, авторы не отмечают этого обстоятельства. Приведу оценку крупнейшего руководителя советской экономики того периода и очень квалифицированного экономиста Л.Н. Крицмана: «Данные статистики эпохи гражданской войны крайне недостоверны. Объективными причинами этой недостоверности являются хозяйственная разруха, неустойчивость общественных отношений и заинтересованность населения в извращении сообщаемых сведений. Но есть и субъективная – небрежность, чтобы не сказать больше, тех, кто эти данные впервые пускает в оборот» [5, с. 149]. В качестве показательного можно привести данные о численности населения Тамбовской губернии в 1918 г., определенной различными отделами губпродкома в 3,5 и в 4,1 млн человек [Там же, с. 119]. Еще более вопиющие факты приводит заведующий отделом Главлескома И. Рапопорт: так, летом 1920 г. в деревообрабатывающей отрасли по одним данным число рабочих состав-

ляло 44 тысячи, по другим – 120 тысяч [7, с. 112]. Многие сведения просто высасывались из пальца [Там же, с. 113–114]. Местные органы тоже «старались»: Владимирский гублеском в 1920 г. давал сведения о заводах, сгоревших в 1916 г. [Там же, с. 117].

2. Статистика в период нэпа

Период нэпа явился звездным часом российской статистики. Ни до ни после у нее не было такого большого количества достижений. Нередко она даже опережала статистику передовых капиталистических стран и пользовалась заслуженным мировым признанием. Авторы высоко оценивают наиболее крупные достижения ЦСУ РСФСР (а с образованием СССР в 1922 г. – ЦСУ СССР) в этот период: образцовая Всесоюзная перепись населения 1926 г.; пионерный, намного опередивший другие страны баланс народного хозяйства СССР на 1923/1924 г. и ежегодные хлебофуражные балансы; городская перепись 1923 г.; обследование мелкой и кустарно-ремесленной промышленности 1925 г.; систематические бюджетные обследования населения; образцовая для того времени статистика цен; организация статистики транспорта [3, с. 161–166]. В этот период преимущественно силами хозяйственных наркоматов была налажена текущая статистика экономики, отсутствовавшая даже в развитых странах. Появление ведомственной текущей статистики дало авторам основание утверждать, что идея «централизованной независимой государственной статистики терпела крах» [Там же, с. 159]. Можно и так сказать, но по силам ли было тогдашнему ЦСУ ее организовать? Или авторы считают, что без нее вообще можно было тогда обойтись?

Большим достижением была регулярная публикация статистических данных. Речь идет о статистических ежегодниках, текущей экономической статистике, публикации результатов переписей и обследований. Важно то, что эти данные в подавляющем большинстве характеризовались максимально возможной достоверностью, иногда превосходившей достоверность статистики западных стран. Для улучшения качества статистики в 1926 г. был создан институт экспериментальной статистики и статистической методологии во главе с крупным статистиком В.М. Обуховым [Там же, с. 171].

Чем, помимо профессионализма работников ЦСУ СССР, объясняются эти выдающиеся успехи советской статистики в период нэпа? Четырьмя главными факторами: уважением Ленина к статистике (хотя значимость этого фактора после смерти Ленина постепенно должна была уменьшиться), переходом к рыночной экономике, успехами в экономике, либерализацией политического режима после Гражданской войны. Переход к рыночной экономике вынуждал предприятия для руководства своей деятельно-

стью налаживать учет и относительно достоверную статистику. Успехи в экономике в период нэпа позволяли власти мириться с достоверной статистикой. Политическая либерализация позволяла сохранить относительно независимую статистическую службу. Но по мере ужесточения политического и экономического режима и в отсутствие Ленина над статистической службой неизбежно должны были сгуститься тучи.

Не следует деятельность статистических служб в период нэпа считать лишенной серьезных недостатков и противоречий, и об этом говорится в книге. Хотелось бы, чтобы говорилось более подробно. Вызывает сожаление, что авторы, в отличие от изложения досоветской истории статистики, почти не прибегают к архивам ЦСУ и смежных государственных структур. Это серьезно обедняет их анализ истории советской статистики. Однако значительная часть проблем статистики периода нэпа всё же в книге упоминается. Видно, что о статистике много спорили и статистиков часто упрекали. Даже Ленин, благожелательно относившийся к Попову, неоднократно упрекал ЦСУ в «академизме» и настаивал на более тесной координации деятельности ЦСУ с Госпланом [3, с. 157]. Непрерывно чуть ли не с момента создания текущей промышленной статистической службы шли споры о том, кому она должна принадлежать: ЦСУ или ведомствам [9, с. 85–95]. В конце концов, уже в начале 20-х гг. она отошла к ведомствам. Сущность и причина споров, как мне кажется, состоит в том, что ЦСУ ориентировалось на европейские статистические учреждения и рассматривало себя как научный орган, в то время как социально-экономическая действительность была совершенно другой даже в условиях нэпа.

Но даже в сфере переписей и выборочных обследований критика ЦСУ была почти непрерывной. Причем высказывалась она часто выдающимися экономистами (Струмилин, Громан, Кондратьев). Авторы и другие исследователи (Тропов, Блюм и Меспуле) относятся к этой критике отрицательно, видя в ней преимущественно политический подтекст. Он действительно был, но далеко не всегда. Здесь возникает интересный и злободневный вопрос: может ли отдельный экономист быть правым, а целое учреждение, опирающееся, в отличие от него, на многие первичные статистические материалы, – неправым? Дело в качестве этих первичных материалов, которые даже в период нэпа оставались далеко не идеальными. Сопоставление их с более достоверными корреспондирующими, что редко делалось в ЦСУ, могло внести в выводы серьезные коррективы. Это и делали квалифицированные критики ЦСУ. При всём уважении к тогдашнему составу руководства ЦСУ признаём, что научный авторитет его критиков был выше.

Среди серьезных упущений в деятельности ЦСУ СССР и других статистических служб СССР периода нэпа отмечу ошибки в определении стои-

мости основного капитала. Нет необходимости объяснять огромную важность этой статистики, особенно для плановой экономики. В 1989 г., пытаясь объяснить крах нэпа экономическими причинами, я исследовал достоверность официальной статистики объема и динамики основных фондов, опираясь на восстановительную их стоимость по ряду отраслей экономики. Оказалось, что она часто оказывалась выше официальной почти в два раза [11]. Соответственно оказывались значительно преувеличенными и темпы роста основных фондов. По введенной позднее шкале достоверности статистики национального богатства СССР скорее всего не попадал тогда даже в самую низшую категорию. Надо отдать должное экономической интуиции тогдашних советских руководителей – они ориентировались не на эти благополучные данные, а на достоверные данные о сроках службы оборудования, которые показывали катастрофическое положение с основными фондами. Как показали расчеты Я.П. Герчука (Конъюнктурный институт НКФ), на 2-3 процентных пункта преувеличивались и темпы роста промышленного производства.

Не столь прост и вопрос о достоверности хлебофуражного баланса 1925–1926 гг. в части распределения товарного зерна по социальным группам, сыгравший роковую роль в судьбе первого состава руководства ЦСУ СССР. Авторы, как и другие исследователи, целиком стоят на защите ЦСУ. Но в книге отсутствует самостоятельный анализ этого вопроса, есть только ссылки на не совсем внятное и выборочно цитируемое письмо Попова Сталину в монографии Блюма и Меспуле [1, с. 62]. Я не нашел в современной экономической литературе попытки объективно рассмотреть этот вопрос.

Возможная неточность в расчете хлебофуражного баланса 1925–1926 гг. была использована давними критиками ЦСУ для коренной перетряски его руководства. Был смещен П. Попов и почти весь состав коллегии ЦСУ. Новый состав коллегии состоял в значительной степени из представителей других ведомств (в значительной части членов партии) [Там же, с. 79, 80]. Тем не менее уровень статистических исследований ЦСУ вряд ли после этого заметно снизился. Новым главой ЦСУ Н. Осинский был выдающимся экономистом и государственным деятелем. Столь же выдающимся экономистом был его заместитель И.А. Трахтенберг. В состав коллегии вошли крупные экономисты В. Громан и Л. Крицман, заслуженные профессиональные статистики В. Обухов и В. Немчинов [Там же]. Как пишут Блюм и Меспуле, «профессионализм учреждения признается и защищается Осинским» [Там же, с. 84].

Об изменениях к худшему в деятельности ЦСУ и всей статистики можно говорить только с момента смещения 1 марта 1928 г. с поста руководителя ЦСУ Н. Осинского и замены его В.П. Милютиним. Причины доста-

точно очевидны: Осинский был достаточно самостоятельным политическим деятелем, спорившим частенько и с Лениным, и со Сталиным (что было гораздо опаснее). Милютин на такую самостоятельность не претендовал. Пришло время послушных. Впрочем, первоначально изменения были невелики. В утвержденном в марте 1928 г. составе коллегии ЦСУ заместителями управляющего были О. Шмидт, Л. Крицман и даже многолетний заместитель Попова и Осинского беспартийный Пашковский. В значительной степени сохранился и остальной состав коллегии [1, с. 296].

3. Статистика в сталинский период

Сталинский период в статистике начался с реорганизации ЦСУ. В целях решения давней задачи увязки статистики и планирования после некоторых колебаний ЦСУ СССР 23 января 1930 г. было упразднено и стало частью Госплана СССР в качестве сектора народно-хозяйственного учета (исчез даже сам термин «статистика») [3, с. 178]. В отношении замены статистики учетом авторы книги занимают позицию, коренным образом отличную от принятой прежде в советской литературе по истории статистики. Они ее считают естественной: в плановой экономике для традиционно статистической деятельности не было большой необходимости: место цензов и выборочных исследований занял учет. Эта их позиция мне представляется обоснованной. Конечно, и при этом оставалось место для статистики, но оно было второстепенным по важности.

Во главе сектора народно-хозяйственного учета Госплана СССР вскоре становится С.В. Минаев, хотя и имевший опыт статистической руководящей работы, но бывший прежде всего партийным деятелем. Сама по себе тесная координация статистической и плановой деятельности была неизбежна при переходе к командной экономике, но избранная форма была явно ошибочной, так как явно ограничивались возможности статистического контроля за состоянием экономики, поскольку Госплан не был заинтересован во вскрытии собственных провалов в планировании. Почти одновременно с ухудшением положения в экономике СССР начались огромные искажения в статистике, по сравнению с которыми прежние, периода нэпа, выглядели детской шалостью. Эти искажения порождались прежде всего фантастическими планами, составлявшимися под давлением партии плановыми органами. В качестве реакции последовали огромные приписки произведенной продукции и работ. Ответом на «дикое планирование» явилась дикая статистика. Поскольку за дутые результаты приходилось платить реальными деньгами, подобное положение не могло продолжаться бесконечно. 16 декабря 1931 г. создается Центральное управление народно-хозяйственного учета при Госплане СССР со значительной финансовой и организационной самостоятельностью и местными органа-

ми [1, с. 89]. Что не менее примечательно, во главе нового органа ставится Н. Осинский, недавно смещенный за строптивость (видимо, сложилось совершенно отчаянное положение со статистикой, если Сталин решился на такой шаг). Его заместителями становятся С. Минаев (для сохранения некоторой преемственности) и выдающийся статистик С.Г. Струмилин, а членами коллегии – несколько крупных экономистов и статистиков. Осинский оставался во главе ЦУНХУ до августа 1935 г.

Осинский объявил поход за «верную цифру». 8 января 1932 г. было принято решение правительства об уголовной ответственности за предоставление неверных сведений о выполнении плана [3, с. 181]. Наиболее вопиющие искажения статистики в части натуральных показателей благодаря деятельности ЦУНХУ в этот период были либо устранены, либо уменьшены. Эта сторона статистики больше всего беспокоила советское руководство, поскольку именно натуральные показатели играли главную роль в планировании и управлении. Ретивость Осинского в борьбе с наиболее серьезными искажениями статистики (реальная оценка выполнения пятилетнего плана, величина сбора урожая 1932 г., уровень потребления населения) была вскоре пресечена, и он с трудом удержался на своем посту [1, с. 90]. Тем не менее продолжались под руководством С.А. Хейнмана расчеты бюджетов населения, которые показывали резкое ухудшение потребления [15, с. 243, 244].

Наиболее грубые искажения статистики в этот и последующие периоды касались динамики обобщающих стоимостных показателей: национального дохода, продукции отдельных отраслей, капитальных вложений, уровня потребления населения и т. д. Именно они создавали впечатление грандиозных экономических успехов. А создавались эти лукавые цифры прежде всего скрытым ростом оптовых и розничных цен [1]. Огромные искажения сохранялись и даже значительно увеличивались в оценке объема и динамики основных фондов. В качестве примера можно привести железнодорожный транспорт, основные фонды которого в 30-е гг. недооценивались в 4-6 раз [13, с. 60–61]. Нет сомнения, что Осинский понимал эту важнейшую статистическую проблему. Пытался ли он ее решать? Для этого следует глубже изучить архивы. Английский советолог Р. Дэвис выявил многочисленные письма по этому вопросу на имя секретаря ЦК А. Андреева, посылавшиеся рядовым сотрудником ЦУНХУ Л. Черкасским. Судьба Л. Черкасского неизвестна.

При Осинском постепенно стала расти гласность в статистике. Расширялся выпуск статистических справочников и их объем. Это не было заслугой только Осинского, а объяснялось улучшением экономического положения, начиная с 1934 г. Обнаружилась закономерность: при улучшении экономического положения искажения сокращались, расширялась глас-

ность, при ухудшении – наоборот. Но данные о бюджетах населения доставлялись только двоим: Сталину и Молотову [16, с. 236]. Перед войной публикации о положении в экономике СССР были сведены к минимуму. Такое положение сохранялось до смерти Сталина.

После смещения Осинского ЦУНХУ возглавил И.А. Краваль, который сохранял традиции Осинского и персональный состав сотрудников. Они в большинстве стали жертвами 1937 года. Непосредственной причиной стали не удовлетворившие Сталина итоги переписи населения 1937 г. Эта перепись по организации и методологии уступала переписи 1926 г. [1, с. 102]. Но гнев вызвали не эти недостатки, а ее итоги, показавшие катастрофические последствия коллективизации и политических репрессий 1930-х гг. В связи с этим были репрессированы большинство руководителей центрального аппарата и местных органов статистики. Размеры ужасают: «не менее половины работников, занимавших руководящие посты или должности специалистов, были расстреляны» [Там же, с. 110]. В 1939 г. в центральном аппарате ЦУНХУ осталась лишь четверть сотрудников. Репрессированы были выдающиеся статистики С.А. Хейнман и Я.Б. Кваша. Из восьми руководителей ЦСУ до войны были расстреляны пять, эта должность стала смертельно опасной. Лишь последний руководитель довоенного времени, В.Н. Старовский, благополучно дожил до естественной смерти в 1975 г. Он руководил проведением переписи населения 1939 г. По программе она была еще примитивнее переписи 1937 г., но по организации (семь дней вместо одного) значительно лучше. По мнению большинства современных демографов и историков, эта перепись содержала немало элементов фальсификации [2], хотя есть и противоположные мнения.

Авторы высоко оценивают деятельность ЦСУ (так он стал снова называться с 1941 г.) в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы [3, с. 191–197]. Речь идет о проведении многочисленных срочных переписей материальных и трудовых ресурсов в тяжелейших для статистики бытовых условиях.

У руководства страны после войны появилось недовольство местом ЦСУ в экономической системе. Скорее всего оно было связано с недоверием к ведомственной статистике и аналитике ведомств и Госплана СССР. 10 августа 1948 г. было принято постановление правительства о выделении ЦСУ из состава Госплана СССР и превращении его в самостоятельное ведомство, подчиненное непосредственно правительству. Фактически это было признанием ошибки, совершенной в 1930 г. В постановлении отмечался ряд недостатков прежнего ЦСУ. Отмечу два главных: «бедность анализа и недостатки обобщения собираемых статистических материалов. Значительная часть данных, собираемых государственной статистикой и ведомствами, не обобщалась и потому не могла использоваться пра-

вительством» и «слабое руководство ведомственной статистикой, прежде всего в отношении проверки достоверности ведомственной отчетности» [Там же, с. 198].

ЦСУ были предоставлены большие возможности для повышения своей значимости в системе государственного управления. Как же они были использованы? Судя по книге, в минимальной степени. Был создан отдел статистической методологии и Научно-методологический совет, в который вошли известные ученые, представители вузов, научных и государственных учреждений, видные работники ЦСУ. Возобновился выпуск журнала «Вопросы статистики». Было создано Издательство статистической литературы. Прекрасно! Но где же результаты? Какая разработана новая методология? Где глубокие обобщения? Где выявление недостоверности ведомственной статистики? Никаких примеров авторы не приводят. Видимо, их и не было. Авторы это объясняют следующим образом: «мер, достаточных для перехода от чисто оперативных работ к аналитическим, исследовательским, предпринято не было ни в отношении получения исходной информации, которая могла бы обеспечить аналитические исследования, ни в отношении проведения статистических разработок» [Там же, с. 201]. Но разве ЦСУ не имел всех необходимых материалов? Объяснение авторов явно неудовлетворительное, возможно, они чего-то не договаривают.

В порядке гипотезы выдвину две возможные причины неудачи перестройки ЦСУ. Возможно, сторяча, в благородном порыве и с лучшими намерениями приняв постановление, власть испугалась возможных последствий его реализации. Что если ЦСУ раскопает недостатки в работе не только ведомств, но и, не дай бог, Госплана СССР и даже Совета министров СССР? Поэтому руководству ЦСУ устно дали понять, чтобы они не приняли это постановление слишком серьезно. Другое возможное объяснение: к этому времени в ЦСУ после «неестественного отбора» предыдущих десяти лет не осталось работников для выработки новой методологии и глубоких обобщений и даже для квалифицированной проверки ведомственной статистики.

4. Статистика в послесталинский период

Большое внимание в книге при рассмотрении этого периода уделено соотношению ведомственной статистики и статистики ЦСУ СССР. Этот важный вопрос эпизодически возникал в книге и раньше, но не получил ясного анализа и оценки. Здесь авторы вносят в него ясность. «Прежде большая часть работ выполнялась ведомственной статистикой: составление отчетности предприятиями и учреждениями, подчиненными определенному министерству, сбор этой отчетности, составление сводок по от-

расли и представление этих сводок в ЦСУ СССР. ЦСУ СССР осуществляло методологическое руководство ведомственной статистикой и проводило специально организованные единовременные работы. И хотя предприятия и организации высылали отчетность в два адреса: вышестоящей организации по линии ведомственной статистики и соответствующему учреждению государственной статистики, основные разработки велись отраслевыми министерствами» [3, с. 203]. Здесь частично раскрываются причины беспомощности ЦСУ при реализации Постановления 1948 г.: у него часто не было необходимых данных и сил. Положение изменилось в 1957 г. после создания совнархозов и ликвидации отраслевых министерств (кроме Минсредмаша). Отныне вся статистика была сосредоточена в ЦСУ СССР. Его глава стал членом Правительства СССР. Положение не изменилось с возвратом в 1965 г. (а не в 1964-м, как в книге) к отраслевым министерствам. Авторы приводят очень любопытные данные о численности статистической службы СССР: к началу 1969 г. в ней насчитывалось более 33 тысяч человек только оперативного персонала и еще более 56 тысяч человек в службах по обработке информации [2, с. 205].

Вместе с тем авторы видят и теневые стороны централизации статистики. «Однако, чрезмерная централизация, изъятие у ведомственной статистики всех ее сводно-аналитических функций было не лучшим решением вопроса. Позднее, на Всесоюзном совещании статистиков в ряде выступлений отмечалось, что сужение рамок ведомственной статистики отрицательно отражается на оперативно-плановом руководстве деятельностью предприятий и учреждений, органы ЦСУ СССР не всегда справляются с анализом объема поступающих статистических материалов, а качество анализа ниже того, что могли бы обеспечить министерства. Отмечалось также, что ведомства параллельно продолжают вести сводные статистические работы даже тогда, когда официально они лишены такого права» [3, с. 204]. Констатация того, что ведомственные статистики оказались квалифицированнее ЦСУшных, дорогого стоит. Еще бы: они непосредственно соприкасались с отраслью, да и платили им лучше. Но выводов из этой констатации сделано не было. Всё осталось по-прежнему.

Авторы довольно подробно отмечают достижения советской статистики послесталинского периода. К ним прежде всего относят проведение Всесоюзной переписи населения 1959 г. Действительно, в сравнении с переписями 1930-х гг. ее организация и проведение являются бесспорным прогрессом, хотя она сильно запоздала: была проведена через 20 лет после предыдущей, а не через 10, как в передовых странах мира. Далеко не столь очевидна положительная оценка авторами второй генеральной инвентаризации основных фондов [Там же, с. 205–206]. Она запоздала еще сильнее: предыдущая была проведена в 1925 г. Положение с оценкой основных

фондов в 1930–1940 гг. было просто катастрофическим [13, с. 61–63], и заметно улучшилось лишь в 1950-е годы в связи с огромным обновлением основных фондов. Такое плачевное положение привело к тому, что СССР вообще отсутствовал среди 44 стран мира, измерявшихся по качеству статистики основных фондов, так как он не соответствовал даже самой нижней категории [16]. Подготовка генеральной инвентаризации была весьма значительной, и объем проделанной работы впечатляет. И здесь бесспорна заслуга ЦСУ СССР. Но ее итоги по качеству не столь значительны, как это представляется авторам. Они были подвергнуты вскоре резкой критике за значительную недооценку стоимости основных фондов Я.Б. Квашой, крупнейшим знатоком этой проблемы [4].

Важным новшеством явилось возобновление в 1956 г. в ЦСУ СССР статистики цен. Авторы не сообщают, когда она была прекращена. Сам по себе факт прекращения анализа цен поразителен: власть лишила себя важнейшей экономической информации. Конечно, эта статистика делала явным огромный рост розничных и оптовых цен в 1930-е и 1940-е годы. Бюджеты населения всё-таки исчислялись, пусть только для Сталина и Молотова. Однако никаких подробностей о деятельности этого отдела не сообщается. Сколько мне известно, он проделал большую работу по ретроспективной статистике цен. В то же время его текущая работа страдала игнорированием проблемы скрытого роста цен, весьма значительного на всех этапах плановой экономики.

С законной гордостью авторы сообщают о развернутых в ЦСУ в конце 1950-х – начале 1980-х годов расчетах баланса народного хозяйства и межотраслевого баланса СССР [3, с. 207–208]. Эти весьма трудоемкие расчеты требовали сбора большого объема разнообразной экономической информации и очень серьезного экономического анализа. Они серьезно обогатили понимание состояния советской экономики. Менее впечатляющими были последующие 20 лет истории ЦСУ СССР, качество статистической работы даже ухудшилось (сужу по генеральной инвентаризации основных фондов 1972 г.). Застой был и в этой области. Ни ЦСУ своими расчетами не беспокоило власть, ни власть статистику. От такой взаимной удовлетворенности страдала только экономика, лишенная надежных карт.

Застой и самоуспокоенность в статистике были нарушены перестройкой. Здесь позволю себе нескромность. В 1987 г. советское статистическое сообщество было буквально взорвано статьей Селюнина и Ханина «Лукавая цифра» [8]. В ней подробно говорилось об огромных искажениях в советской экономической статистике и приводились альтернативные оценки динамики экономического развития СССР за 1928–1987 гг., во много раз отличающиеся от данных ЦСУ СССР. Руководство ЦСУ вместо того, чтобы попытаться разобраться в обоснованности альтернативных оценок,

устроило в журнале «Вопросы статистики» грубый и необоснованный их разнос. Грустно, что задачу установления более достоверных оценок взяли на себя аутсайдеры, а не профессиональные статистики. Это является серьезнейшим упреком всему советскому статистическому сообществу, его профессиональному и нравственному уровню.

Хотя авторы уверяют, что в августе 1987 г. в Постановлении о мерах по коренному улучшению статистики «была дана оценка сложившемуся положению и намечена программа по развитию статистической работы» [3, с. 218], никакого серьезного и честного анализа этого положения в нем не было, внимание обращалось на второстепенные недостатки и упущения. Правительство СССР в это время еще не осознало необходимость коренных изменений в статистике. Перелом произошел значительно позже, со сменой руководства Госкомстата СССР (так было переименовано ЦСУ СССР). Во главе Госкомстата был поставлен не профессиональный статистик, а крупный экономист В.Н. Кириченко, который сразу заговорил о крупнейших недостатках в деятельности статистической службы в плане достоверности статистической макроэкономической информации. Удалось ли ему многое изменить в работе Госкомстата, из книги не ясно. Из известных мне значительных изменений отмечу деятельность директора НИИ Госкомстата М.Р. Эйдельмана по пересчету советской статистики, выявившего огромные ее искажения. Без одобрения Кириченко такая работа не могла проводиться. (К вопросу о достоверности советской статистики: категорически не согласен с утверждением авторов о том, что «по мнению советологов, советская статистика не содержала грубых фальсификаций» [3, с. 221]. Все известные мне советологи были единодушны в отношении грубых фальсификаций советской макроэкономической статистики.)

Конечно, у советской экономической статистики были и сильные стороны. По многим направлениям она была намного богаче и оперативнее статистики капиталистических стран: по производству продукции в натуральном выражении, занятости, финансовым показателям и ряду других. Особенно впечатляет богатство данных по себестоимости продукции, поскольку в капиталистических странах они являются коммерческой тайной. Несмотря на недостоверность данных о производстве зерна, слабый учет качества продукции и многих показателей теневой экономики, именно наличие относительно достоверных данных советской статистики позволило западным и советским исследователям рассчитать альтернативные макроэкономические оценки советской экономики.

Но эти сильные стороны обесценивались грубейшими фальсификациями макроэкономических показателей, начавшимися в конце 1920-х годов. Некоторые данные, позволяющие вскрыть эти искажения,

вообще перестали исчисляться. Имею в виду ликвидацию статистики цен. Чтобы дать представление о размерах фальсификаций в макроэкономических показателях, сошлюсь на свои расчеты конца 80-х гг., согласно которым национальный доход СССР за 1928–1987 гг. вырос не в 90 раз, как показывало ЦСУ СССР, а в 6,9 раза [9], что в 13(!) раз меньше официальной оценки. Близкие результаты давали и расчеты западных исследователей. Огромные искажения были также в динамике промышленной продукции и строительства, грузового автомобильного транспорта (в нем сильно искажались и объемы в натуральном выражении), реальных доходов населения, в определении объема основных фондов и их динамики [12, 13]. Для меня очевидно, что главная ответственность за эти искажения лежит не на руководителях статистики, бессильных при жизни Сталина им противостоять, а на политическом руководстве СССР, прежде всего Сталине, и по инерции на его преемниках. Учитывая огромный урон от этих фальсификаций для планирования и управления, они граничат с преступлением. Они сильно колеблют и широко распространенное представление о Сталине как выдающемся менеджере. Хорош менеджер, сознательно лишаящий себя и свое предприятие правдивой информации.

Разумеется, Сталин и его преемники всерьез не принимали дутые макроэкономические оценки ЦСУ СССР. Они ориентировались на натуральные показатели развития экономики, которые давали объективную характеристику положения в экономике. Но неудобство от отсутствия достоверных обобщающих показателей скорее всего испытывали. Почему же не попытались дать задание хотя бы секретно их рассчитать? Скорее всего боялись утечек. Да и почти некому было взяться за такую работу, лучшие экономисты и статистики были либо расстреляны, либо сидели в лагерях. А устроить экономическую шарашку не пришло в голову.

5. Статистика в РФ

Изложение и анализ истории государственной статистики РФ – наиболее сложная задача для авторов книги. Слишком мало прошло времени с момента ее возникновения, далеко не все факты и мотивы известны. Авторы сумели показать коренные изменения, произошедшие в статистике РФ по сравнению со статистикой СССР, связанные с переходом РФ к рыночной экономике и попыткой интеграции в мировое статистическое пространство. Статистика в этот период вернулась к своему первоначальному содержанию. Главное место заняли переписи и выборочные исследования. Авторы подробно излагают проведенные в этот период многочисленные и регулярные переписи и выборочные исследования многих аспектов социально-экономического развития РФ. Среди них две переписи населе-

ния – 2002 и 2010 гг., всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 г. и ряд других [3, с. 234–235].

В соответствии с международной статистической практикой Росстат перешел от разработки баланса народного хозяйства к статистике национальных счетов, что потребовало серьезных усилий по модернизации расчета и других макроэкономических показателей. Баланс национальных счетов позволил лучше изучить многие пропорции в экономике. Важным достижением стала разработка в 1995 г. межотраслевого баланса РФ.

В плане приближения к международной статистической практике следовало упомянуть о переходе к общепринятой в мире практике расчета динамики общеэкономических показателей. Особенно важным здесь был переход к расчетам индекса промышленной продукции на основе выпуска продукции в физическом выражении. Существенно усовершенствовалась методология статистики розничных и оптовых цен, в чём большую роль сыграли усилия международных экономических и статистических организаций, на что справедливо обращают внимание авторы [Там же, с. 225].

Российская статистическая служба в постсоветский период стала значительно более гласной. Выпускаемые ею общеэкономические и отраслевые справочники, ежемесячные статистические обзоры намного информативнее аналогичных советских. Важнейшим нововведением, о котором с оправданной гордостью пишут авторы, является издание в 1996–2006 гг. пяти выпусков методологических положений по статистике [Там же, с. 230–231].

Но вот в том, что «российская государственная статистика заняла достойное место среди национальных статистических служб» [Там же, с. 256], я очень сомневаюсь. Кажется, нет в этом уверенности и у самих авторов. Думаю, что не только ради вежливости они завершают основной текст книги ссылаками на мои совместно с Василием Селюниным и Дмитрием Фоминым статьи, отмечая, что «дискуссии о качестве отечественной статистики продолжаются» [Там же, с. 258].

Мои глубокие сомнения в качестве постсоветской отечественной экономической статистики основываются прежде всего на альтернативных расчетах макроэкономических показателей РФ, проводившихся многими методами моими коллегами и мною и опубликованных в почти 30 статьях в рейтинговых журналах, в том числе неоднократно в «Вопросах статистики». Но они опираются и на убедительную, на мой взгляд, критику уважаемых мною авторитетных авторов по другим вопросам экономической и демографической статистики. Так, по нашим расчетам, за 1991–2015 гг. ВВП России снизился на 10,2 % (вместо роста на 13,4 % по расчетам Росстата). Расхождения наших расчетов с ежегодными расчетами Росстата в 2000-е гг. составляют те же 2-3 процентных пункта, как и с данными ЦСУ СССР.

Еще хуже обстоит дело со статистикой основных фондов. Их стоимость по нашим расчетам переоценена почти в 7(!) раз. Вряд ли в мире еще есть пример такого колоссального искажения (в СССР даже в худшие годы оно было меньше). В результате индекс основных фондов по остаточной стоимости по нашим расчетам снизился на 50 % вместо роста на 50 % по расчетам Росстата. Любому экономисту понятно, что столь огромная ошибка в оценке основных фондов коренным образом меняет финансово-экономические показатели всей экономики и отдельных компаний. В сущности, официальные данные по ним можно попросту не учитывать. Но наши расчеты и расчеты других специалистов показывают очень серьезные ошибки Росстата и в других областях: в динамике цен, степени социальной дифференциации, уровне безработицы, размерах теневой экономики и многих других. Критикуются и методология проведения переписей, и их результаты.

В чем причины столь серьезных провалов современной российской статистики? Начну с объективных. Переход к рыночной экономике был потрясением не только для самой экономики, но и для государственной статистики. Она враз попала в другую эпоху, к которой совершенно не была подготовлена ни интеллектуально, ни в кадровом отношении. Ее и без того слабый состав был ослаблен унижительно низкими зарплатами. В результате большинство рядовых работников не имеет специального образования. А чего стоит колоссальное развитие теневой экономики, которая уклоняется не только от отчетности, но и от всех переписей, или сознательное искажение информации почти всеми субъектами хозяйствования! Даже по многим натуральным показателям не всегда в худшую сторону. Или практическая безнаказанность живой статистики.

Немало было и субъективных причин, связанных со слабостью российского государства. Оно не проявило ни желания, ни умения произвести перестройку в статистике. Статистика оказалась на обочине его интересов, а голоса ее критиков тонули в море безразличия и равнодушия. Ожидаемо не на высоте оказалась и статистическая общественность. Серьезная критика, в отличие от дореволюционного периода, периода нэпа и даже 1950-х гг., шла только от непрофессиональных статистиков. Что касается руководства Росстата, то оно, к сожалению, продолжало традиции ЦСУ СССР. Созданные им институты «независимого» контроля серьезной положительной роли не сыграли. Авторы напрасно обошли молчанием такой позорный (и уникальный в истории государственной статистики России) факт, как осуждение за взяточничество главы Росстата в 1993–1998 гг. Ю.А. Юркова. История не терпит умолчаний.

Заключение

Сначала о книге. При всех недостатках она по сравнению с предыдущими публикациями на эту тему [6] является большим шагом вперед в изучении и осмыслении истории российской статистики как части истории России. При переиздании желательно значительно расширить текст и глубже, объективнее, с использованием архивного материала проанализировать историю советской и постсоветской статистики. Уверен, что авторам это по силам.

Что касается истории российской государственной статистики, то в ней немало достижений, но провалов и неудач больше. Она еще и необыкновенно трагична. В какой другой стране уничтожали половину статистиков? Из 200 с лишним лет ее существования вряд ли было более 50 удачных лет. Но не больше благополучных лет были в истории самой России: какова страна, такова и статистика. Хотелось бы выразить надежду на ее возрождение. К сожалению, объективных оснований для этого не видно. Но в истории России частенько, когда всё и всем казалось безнадежным, посещал «черный лебедь». Вдруг он выручит и на этот раз?

Литература

1. Блюм А., Местул М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.
2. Богоявленский Д. О приписках в переписи 1939 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2013. – 14–31 октября (№ 571–572). – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/archiv01.php> (дата обращения: 26.02.2018).
3. Елисеева П.П., Дмитриев А.А. Очерки по истории государственной статистики России. – СПб.: Росток, 2016. – 288 с.
4. Кваши Я.Б. Избранные труды. В 3 т. Т. 2. Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. – М.: Наука, 2003. – 514 с.
5. Крицман А. Героический период Великой русской революции. – М.: Госизд-во, 1924. – 250 с.
6. Глошко Б.Г., Елисеева П.П. История статистики. – М.: Статистика, 1990. – 295 с.
7. Рапопорт П. Полтора года в советском главке // Архив русской революции: в 22 т. – Москва: Терра: Политиздат, 1991. – Т. 2.
8. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. – 1987. – № 2. – С. 181–201.
9. Тропов П.А. «Национализация» информации: политическая власть и ЦСУ в послереволюционный период. – СПб.: Изд-во ГУАП, 2007. – 172 с.
10. Ханин Г.И. Экономический рост: альтернативная оценка // Коммунист. – 1988. – № 17. – С. 83–90.
11. Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп? // Эко. – 1989. – № 10. – С. 66–83.

12. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. – Новосибирск: Наука, 1991. – 267 с.
13. Ханин Г.И., Копылова Н.В. Статистика основных фондов в дореволюционной России и СССР // Вопросы статистики. – 2008. – № 3. – С. 58–65.
14. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Российское общество и постсоветская статистика // Мир России. – 2017. – № 2. – С. 62–81.
15. Хейнман С.А. Эффективность национальной экономики: источники роста, потери и резервы. Т. 2: сборник избранных трудов С.А. Хейнмана. – М.: Ин-т экономики РАН, 2008. – 308 с.
16. Kennedy P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. – New York: Vintage Books, 1987. – P. 535. – ISBN 0679-720197.
17. Stančijani A. European Statistics, Russian Numbers, and Social Dynamics, 1861–1914 // Slavic Review. – 2017. – Vol. 76, iss. 1. – P. 1–23.

Статья поступила в редакцию 04.11.2017 г.

Статья прошла рецензирование 24.11.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-3-28

**STATISTICS AND INSTITUTIONS
(A REVIEW ON THE BOOK OF I.I. ELISEEVA,
A.L. DMITRIEV “ESSAYS ON THE HISTORY
OF STATE STATISTICS IN RUSSIA”)**

Khanin Grigory,

*Dr. of Sc. (Economics), Professor,
Professor, Siberian Institute of Management –
the branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
6, Nizhgorodskaya st., Novosibirsk, 630102, Russian Federation
khanin@yandex.ru*

Abstract

The book is regarded as an important step in studying the history of Russian state statistics. The authors identify three stages of history: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. With all their specifics, common features are also found in the stages. The level of statistics is assessed by the reviewer as an indicator of the civilizational level of the country. The authors carefully study the pre-revolutionary period. After a very dull period in the first half of the 19th century, from the beginning of the 60s, under the conditions of emerging capitalism and growing democratization, a period of relatively successful development began, which still did not reach the level of developed countries. The State Statistical Service remained weak. The Soviet authorities realized the dream of Russian statisticians about the creation of a powerful state statistical service. Some valuable statistical work was carried out during the Civil War and NEP. But the successful development of Soviet statistics was interrupted in the late 1920s because of the increased political pressure. In a number of areas, some studies were discontinued, the others were falsified. Many statisticians were repressed. With the transition to a command economy, Statistics was largely replaced by Accounting and for a long time it was deprived of administrative independence.

The reviewer argues with the authors on a number of results of statistical studies of the NEP and post-NEP periods, evaluating them more critically. He notes that the 1948 reform of the status of statistics was fruitless, and criticizes the authors' poor use of the archives of the Soviet and post-Soviet periods. The reviewer supports the positive evaluation of many transformations in the post-Soviet period, which returned the original content to statistics, but at the same time he admits that a significant part of the statistical data of this period was unreliable. The material and personnel situation in modern Russian statistics is far from what is necessary, and it is still far from the level in the developed countries.

Keywords: history of Russia, history of Russian statistics, Russian pre-revolutionary statistics, statistics of the Soviet period, post-Soviet statistics, the reliability of statistical data.

Bibliographic description for citation:

Khanin G.I. Statistics and institutions (a review on the book of I.I. Eliseeva, A.L. Dmitriev “Essays on the History of State Statistics in Russia”). *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 2, pp. 3–28. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-3-28. (In Russian).

References

1. Blum A., Mespoulet M. *L'anarchie bureaucratique: pouvoir et statistique sous Staline* [Bureaucratic anarchy. Statistics and power under Stalin]. Paris, la Découverte, 2003 (Russ. ed.: Blyum A., Mespul M. *Byurokraticheskaya anarkhiya: statistika i vlast' pri Staline*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 480 p.).
2. Bogoyavlenskii D. O pripiskakh v perepisi 1939 g. [About postsignals in the 1939 census]. *Demoskop Weekly*, 2013, 14–31 October (no. 571–572). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/arkiv01.php> (accessed 26.02.2018).
3. Eliseeva I.I., Dmitriev A.L. *Ocherki po istorii gosudarstvennoi statistiki Rossii* [Sketches on the history of state statistics in Russia]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016. 288 p.
4. Kvasha Ya.B. *Izbrannye trudy*. V 3 t. T. 2. *Kapital'nye vlozheniya i vosproizvodstvo osnovnykh fondov* [Selected works. In 3 vol. Vol. 2. Capital investments and fixed assets reproduction]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 514 p.
5. Kritsman L. *Geroicheskii period Velikoi russkoi revolyutsii* [The heroic period of the Great Russian Revolution]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924. 250 p.
6. Ploshko B.G., Eliseeva I.I. *Istoriya statistiki* [History of Statistics]. Moscow, Statistika Publ., 1990. 295 p.
7. Rapoport I. Poltora goda v sovetskom glavke [One and a half years in a Soviet Chief Directorate]. *Arkhiv russkoi revolyutsii*. V 22 t. T. 2 [Archive of Russian revolution. In 22 vol. Vol. 2]. Moscow, Terra Publ., Politizdat Publ., 1991.
8. Selyunin V., Khanin G. Lukavaya tsifra [The deceitful digit]. *Novyi mir – The New World*, 1987, no. 2, pp. 181–201.
9. Tropov I.A. “Natsionalizatsiya” informatsii: politicheskaya vlast' i TsSU v poslerevolutsionnyi period [“Nationalization” of information: political Power and the Central Statistical Office in the post-revolutionary period]. St. Petersburg, GUAP Publ., 2007. 72 p.
10. Khanin G.I. Ekonomicheskii rost: al'ternativnaya otsenka [Economic growth: an alternative estimate]. *Kommunist – Communist*, 1988, no. 17, pp. 83–90.
11. Khanin G.I. Pochemu i kogda pogib nep? [Why and when did the New Economic Policy die?]. *EKO – ECO*, 1989, no. 10, pp. 66–83.
12. Khanin G.I. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Economic development trends in the USSR]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 267 p.
13. Khanin G.I., Kopylova N.V. Statistika osnovnykh fondov v dorevolutsionnoi Rossii i SSSR [Fixed assets statistics in pre-revolutionary Russia and in the USSR]. *Voprosy statistiki – Statistical Studies*, 2008, no. 3, pp. 58–65.
14. Khanin G.I., Fomin D.A. Rossiiskoe obshchestvo i postsovetskaya statistika [Post-Soviet society and Russia's macroeconomic statistics]. *Mir Rossii – Universe of Russia*, 2017, no. 2, pp. 62–81.

15. Kheinman S.A. *Effektivnost' natsional'noi ekonomiki: istochniki rosta, poteri i rezervy*. T. 2 [Efficiency of the national economy: sources of growth, losses and reserves. Vol. 2]. Moscow, Institut ekonomiki RAN Publ., 2008. 308 p.
16. Kennedy P. *The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York, Vintage Books, 1987, p. 535. ISBN 0679-720197.
17. Stanziani A. European Statistics, Russian Numbers, and Social Dynamics, 1861–1914. *Slavic Review*, 2017, vol. 76, iss. 1, pp. 1–23.

The article was received on November 4, 2017.

The article was reviewed on November 24, 2017.